

Е. Ю. Чернышев

**ФОРМИРОВАНИЕ АМЕРИКАНСКОЙ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОНЦЕПЦИИ В ОТНОШЕНИИ ПОЛЬШИ НАКАНУНЕ
И В ПЕРВЫЕ ГОДЫ «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»***

Анализируются механизмы выработки внешнеполитического курса американской администрации в отношении Центральной и Восточной Европы на примере Польши. Рассматриваются факторы, повлиявшие на формирование внешнеполитической концепции.

The article analyses the mechanisms of the development of American foreign policy towards Central and Eastern Europe on the example of Poland. The author considers a number of factors that influenced the process of the foreign policy development.

Ключевые слова: США, Польша, внешняя политика, Вторая мировая война, холодная война.

Keywords: USA, Poland, foreign policy, World War II, Cold War.

В годы Второй мировой войны, а особенно на заключительном ее этапе государственные деятели США смотрели на польский вопрос через призму отношений с Советским Союзом. Госсекретарь К. Хэлл впоследствии напишет, что «мы не могли позволить себе оставаться защитниками в польском вопросе вплоть до конфронтации с Россией в столь важный для нас момент — перед вторжением во Францию» [9, р. 1442]. Об этом же в узком кругу своих сотрудников говорил вскоре после Тегеранской конференции посол США А. Гарриман в Москве, подчеркнув, что американцам «необходимо продемонстрировать русским: 1) что война для нас важнее всего; 2) что мы принимаем их как равных; 3) что мы очень заинтересованы в их послевоенном восстановлении» [8, р. 187].

Поскольку деятельность А. Гарримана занимает важное место в выработке внешнеполитических решений американской дипломатии, о нем следует сказать особо. Его роль существенно выходила за обычные рамки посольских обязанностей. После того как он занял пост посла в СССР в октябре 1943 г., ему был представлен своего рода карт-бланш на проведение американской внешней политики в России и странах Восточной Европы [10, р. 517]. С первых дней пребывания в Москве Гарриман решил для себя, что все разговоры о свободной, независимой Польше обретут «академический» характер, после того как Красная армия освободит эту страну. Тактика Гарримана состояла в том, чтобы идти на незначительные уступки в надежде, что они обеспечат тесное военное сотрудничество. Но он считал, что «Польша должна была стать

---

* Статья подготовлена благодаря стипендии Карнеги (Carnegie Research Fellowship) Национального совета по евразийским и восточно-европейским исследованиям (США).

«пробным камнем» в проверке советского поведения в послевоенном мире, первым тестом отношений Сталина к малым соседям» [8, р. 317].

Поляки должны были сделать «первый шаг» навстречу СССР, тогда, по его мнению, Москва «без сомнения была бы готова предоставить гарантии аналогичные тем, что были даны Э. Бенешу» [10, р. 519]. Гарриман отмечал в письмах в Госдепартамент, что американская экономическая помощь могла бы эффективно ограничивать распространение политического экстремизма, обеспечивая экономическую стабильность в регионе [Ibid, р. 542].

Гарриман объяснял прессе, что «жизненные интересы Соединенных Штатов» касаются прежде всего вопросов ведения войны и только во вторую очередь польской проблемы, решение которой не обязательно должно удовлетворить эмиграционное правительство. «Я вижу разницу между польским правительством в Лондоне и поляками как таковыми», — писал он [Ibid, р. 528].

Президент Ф. Рузвельт «чувствовал себя неспособным подготовить американскую общественность к послевоенным событиям в Восточной Европе». Он опасался, что любые признаки разногласий с Москвой могли разрушить видимость гармонии и даже вызвать откат назад к довоенному изоляционизму внутри США [7, р. 144—145]. В годы войны Рузвельт старался убедить страны Восточной Европы, что им нечего бояться, и они смогут выбрать приемлемые для Москвы правительства. Самоопределение он всегда расценивал как идеал, за который стоит бороться, но фактически он недостижим [Ibid, р. 134].

Каких взглядов на будущее Центральной и Восточной Европы в реальности придерживался американский президент, интересовало не только поляков, но и дипломатическое ведомство его администрации. Рузвельт предоставил возможность Гарриману непосредственно иметь дело с текущими проблемами. Согласно наблюдениям посла, президент «последовательно демонстрировал небольшой интерес к восточноевропейским делам и обращал на них внимание постольку, поскольку они затрагивали настроения в США» [8, р. 366]. Эксперты Восточноевропейского отдела Госдепартамента утверждали, что вряд ли американская политика могла бы оказать сколько-нибудь значительное влияние на сложившуюся ситуацию, тем более, что американцев в целом мало заботят дела Восточной Европы, в том числе Польши [12, р. 128]. Однако последняя имела важное значение для европейской политики США как «кирпичик будущего европейского здания, которое должно быть устойчиво и не сгораемо» [4, р. 124].

Хотя Гарриман сделал фундаментальный просчет, определяя пределы советских интересов, он был искренне уверен, что договоренность, признающая «открытую» (для американского экономического присутствия) советскую сферу влияния в Восточной Европе, была бы лучшим из возможных решений [10, р. 551].

Спекуляции вокруг голосования польской диаспоры на президентских выборах в США в 1944 г. отвлекли администрацию Рузвельта от собственно польской проблемы, усилили осторожность президента в сфере восточноевропейской политики. Немало влиятельных сенаторов,

многие из которых придерживались изоляционистских взглядов, давали понять, что они поддержат американское членство в новой всемирной организации (ООН) только при условии, что в ее основу будут положены принципы Атлантической хартии [7, р. 148]. Полное раскрытие советских планов в Восточной Европе могло в одночасье разрушить внутреннее согласие.

Советник американского посольства в Москве Дж. Кеннан в письме советнику госдепартамента Ч. Болену от 26 января 1945 г. писал, что «мы упорно отказываемся прояснить наши интересы и пожелания в Восточной Европе» и что «Польша потеряна для наших экономических интересов». «Представления о том, что мы сможем с выгодой для себя участвовать в решении проблем восстановления Польши, оказывать прямое влияние на распределение ее ресурсов или использовать ее в планах восстановления других стран, — пустые мечтания», — заключал автор, явно намекая на планы президента [1, с. 381].

Когда была готова декларация Ялтинской конференции по Польше, один из членов американской делегации адмирал У. Леги прокомментировал: «Я видел здесь знакомые фразы, вроде "сильной, свободной, независимой Польши", Россия, "гарантирующая" "свободные выборы", "всеобщее избирательное право" и так далее. И сказал г. президенту, этот документ настолько гибкий, что русские могут растянуть его от Ялты до Вашингтона, даже не порвав» [11, р. 315–316]. Президент не отрицал этого. «Я знаю Билл — я знаю это. Но это лучшее, что я могу сделать для Польши сейчас», — ответил он [14, р. 148].

В своем обращении к Конгрессу 1 марта 1945 г. Рузвельт заявил: «Польский вопрос был потенциальным источником постоянных проблем в послевоенной Европе... Я убежден, что соглашение по Польше, при имеющихся обстоятельствах, самое обнадеживающее соглашение, какое только возможно для свободного, независимого и процветающего польского государства [2, р. 59–60]. Президент достиг значительного успеха в формировании положительного впечатления от ялтинских решений в американской общественности. Полученные обещания в отношении свободных выборов в Польше большинство американцев расценивало как несомненное достижение.

Опросы общественного мнения после Ялты показывали малую заинтересованность американцев в вопросе политического будущего стран Восточной Европы. Однако эти настроения могли измениться, если Польша оказалась бы под контролем СССР и, тем более, если произошло бы установление в ней коммунистического режима. Это хорошо понимали и американские дипломаты. И действительно, в мае 1945 г. доля тех, кто был неудовлетворен степенью сотрудничества с союзниками, увеличилась в США с 15 до 33 %, а Россия называлась в качестве главного виновника дипломатических неудач Большой тройки [2, р. 82].

Рузвельт способствовал укреплению в сознании американской общественности убеждения в неотвратимости свободного волеизъявления в странах Восточной Европы, а с другой стороны, давал понять Кремлю, что он имеет свободу действий. Смесь наивности и реализма, кото-

рая характеризовала восточноевропейскую политику Рузвельта, создала специфическую ситуацию и неразрешимую дилемму.

Американская дипломатия на протяжении многих десятилетий руководствовалась двумя подходами к проблеме организации окружающей международной среды, соответствующей национальным интересам США. Согласно концепции «универсализма», необходимо изменять окружающий мир так, чтобы он максимально был похожим на США, а значит, не представлял серьезной внешней угрозы. Другой подход, так называемый «партикуляризм», исходил из предпосылки, что главное, чтобы окружающий мир не угрожал Соединенным Штатам, независимо от того, похож он на США или нет. Безопасность в данном случае обеспечивалась самим разнообразием окружающей среды [3, р. 26]. Из этого следовало, что в национальных интересах не пытаться управлять миром, как того хочет «универсализм», но поддерживать равновесие так, чтобы ни одна страна или группа стран не могли поставить под угрозу американскую безопасность. «В целом, — писал в конце 1947 г. сторонник партикуляризма Дж. Кеннан, — наша политика должна быть направлена на восстановление равновесия сил в Европе и Азии» [Ibid, р. 27]. При этом речь не шла об установлении сфер влияния США, а о появлении центров силы, независимых как от советского, так и от американского контроля [Ibid, р. 31].

Другой важный аспект политики «сдерживания» — это стремление способствовать расколу между СССР и международным коммунистическим движением. В 1947—1949 гг. было предпринято несколько попыток осуществить эту стратегию. В рамках плана Маршалла экономическая помощь предлагалась с расчетом, что Советский Союз обязательно ее отклонит, что приведет к напряженности в социалистическом лагере. Слабой стороной этой стратегии было то, что логика Кеннана и его коллег базировалась на поверхностном анализе советского поведения. Кеннан подчеркивал важность переговоров с Кремлем, но не отрицал, что сам факт переговоров мог быть воспринят советской стороной как признак слабости, а американской общественностью как шаг к умиротворению, особенно после 1948 г. [Ibid, р. 36].

Относительно экономического фактора в предложенной Госдепартаментом концепции в отношении Польши говорилось следующее: «Помогая посредством кредитов и физического восстановления польской экономике, нам следует настаивать на принятии Польшей политики равных возможностей для нас в торговле, инвестициях и доступе к источникам информации. Нам следует активно поддержать в новом правительстве те элементы, которые выступают против трансформации Польши в советского сателлита. Эта поддержка не должна быть открытым вмешательством во внутренние дела, однако должна быть достаточно эффективной, чтобы подвигнуть демократических польских лидеров отблагодарить нас за услуги, которые мы оказали польской нации» [2, р. 99—100].

В начале 1946 г. госсекретарь Дж. Бирнс, оценивая значение экономической политики Вашингтона в Восточной Европе, убеждал действовать как можно более жестко. Бирнс говорил У. Клейтону, заместителю

госсекретаря по экономическим вопросам: «Ситуация настолько усложнилась, что пришло время... когда проведение нашей политики требует самой четкой координации. Одним словом мы должны помочь нашим друзьям любым способом и воздержаться от помощи тем, кто или по причине беспомощности или по другим причинам не согласен с принципами, которых мы придерживаемся». Утверждение Бирнса не исключало финансовую помощь Польше, если помощь эта связана с гарантиями того, что нуждающаяся в угле Западная Европа получит долю угольного экспорта из Польши [5, p. 223].

Госдепартамент США однозначно дал понять польским властям, что обстановка, в которой будут проводиться выборы, будет иметь существенное значение для экономических отношений между США и Польшей в будущем. Примечательно, что Соединенные Штаты не меняли политическую стратегию до момента проведения выборов в сейм 1947 г. Американская реакция на объявленную «победу» коммунистов заключалась больше в объяснениях того, что случилось, нежели в осуждении польского правительства. Только сенатор А. Ванденберг, единственный из влиятельных политических фигур, однозначно заявил о фальсификации результатов выборов [13, p. 78].

В основе советского господства над сателлитами в Восточной Европе, по мнению Госдепартамента, лежали четыре фактора:

- 1) традиционные связи и настроения (панславизм, православие и т.п.), а в некоторых странах «советского блока» — опасения относительно нового всплеска немецкой агрессии;
- 2) присутствие в регионе советских вооруженных сил;
- 3) наличие ставленников Кремля в правительствах, партиях и других массовых организациях;
- 4) доминирование коммунистической идеологии в среде значительной части правящих элит [3, p. 213–214].

В связи с этим целью США должно быть постепенное уменьшение советского влияния в Восточной Европе без военной конфронтации посредством сокращения военного присутствия, усиления изоляции сталинистов и поощрения национализма [Ibid, p. 223]. По отношению к Польше готовность США к экономической помощи обуславливалась следующими требованиями: принципом «открытых дверей» во внешних связях, демократическим устройством, компенсациями при национализации, уменьшением критики со стороны прессы в адрес западных держав и сокращением советского влияния. Однако понимая, как трудно на практике контролировать процессы в Восточной Европе, Соединенные Штаты решили изолировать этот регион экономически, отрезав союзников СССР от кредитов и торговли с Западом.

Американская политика в отношении Польши кристаллизовалась в конце 1946 — начале 1947 г., когда США окончательно делают ставку на Германию. Согласно высказыванию американского посла в Москве У. Беделл-Смита, с точки зрения Вашингтона, «представляется более важным удержать Германию на Западе, чем предотвратить окончательный поворот Польши на Восток». Вся ирония ситуации заключалась в том, что у американской стороны не было никакой возможности

изменить западную границу Польши без согласия СССР, который поддерживал польскую точку зрения [13, р. 89].

Американский посол в Варшаве Гриффис в конце 1947 г. так охарактеризовал ограниченные возможности американской дипломатии в Польше: «При учете всех обстоятельств трудно найти обоснование необходимости продолжать деятельность консульского отдела посольства, за исключением: а) использования посольства как символа нерушимой дружбы американского и польского народов; б) защиты американских граждан и их интересов» [6, р. 95].

Время, чтобы установить действенное американское политическое или экономическое присутствие в Польше, для Соединенных Штатов миновало. Советизация Польши в 1945–1947 гг. была не только результатом защитной реакции Кремля на американский вызов, но и следствием того, что Вашингтон приучил Москву в годы войны решать политические дела в Восточной Европе без участия Соединенных Штатов.

Список источников и литературы

1. Печатнов В. О. Мистер «Икс» в 1945 г. (неизвестное письмо Джорджа Кеннана) // Проблемы всемирной истории. СПб., 2000.
2. *Alternative concepts of United States foreign policy 1943–1947. European and global aspects of postwar relations with the Soviet Union.* Documents. B., 1992.
3. *Containment: documents on American policy and strategy, 1945–1950.* N. Y., 1978.
4. *Dallin D. J. Russia and postwar Europe.* New Haven, 1945.
5. *Foreign relations of the United States 1946.* Washington, 1969. Vol. 7.
6. *Foreign relations of the United States 1947.* Washington, 1972. Vol. 4.
7. *Gaddis J. L. The United States and the origins of the Cold War, 1941–47.* N. Y.; L., 1972.
8. *Harriman A. Special envoy to Churchill and Stalin 1941–1946.* L., 1975.
9. *Hull C. The memoirs of Cordell Hull.* N. Y., 1948. Vol. 2.
10. *Larsh W. W. Averell Harriman and the Polish question, December 1943 – August 1944* // *East European politics and societies.* 1993. №3. Vol. 7.
11. *Leahy W. D. I was there.* L., 1950.
12. *Lukas R. C. The strange allies, the United States and Poland, 1941–1945.* Knoxville, 1978.
13. *Lukas R. C. Bitter legacy. Polish-American relations in the wake of World War II.* Lexington, 1982.
14. *Neumann W. L. After victory. Churchill, Roosevelt, Stalin and the making of the peace.* N. Y., 1967.

Об авторе

Е. Ю. Чернышев — канд. ист. наук, ассист. РГУ им. И. Канта, historic@mail.ru

Author

Dr. Ye. Chernyshov, Assistant Professor, IKSUR, historic@mail.ru